

18+

Алла Плотникова

Любовь прилипает сама

Повесть

Алла Плотникова

Любовь прилипает сама. Повесть

«Издательские решения»

Плотникова А.

Любовь прилипает сама. Повесть / А. Плотникова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-707197-0

Влюблённая в Ильдара Алевтинка-картинка, студентка геологоразведочного техникума, фантазёрка и исследовательница, постоянно размышляет о чувстве любви. Её подруга Таня влюблена в Сергея и страдает оттого, что никак не может решиться с ним познакомиться. Тогда Алевтина приходит на помощь и завязывает знакомство с Сергеем.

ISBN 978-5-00-707197-0

© Плотникова А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Экзамен сдан, или Оленёнок в рысьих лапках	6
Глава 2. Наша комната	10
Глава 3. Первый раз в Перми (два года назад)	14
Глава 4. Студенческие развлечения	17
Глава 5. В тёмной комнате фотолаборатории	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Любовь прилипает сама

Повесть

Алла Плотникова

*Стасу Серову, вдохновителю и помощнику; Майе Киселёвой за
иллюстрацию на обложку*

© Алла Плотникова, 2026

ISBN 978-5-0070-7197-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Экзамен сдан, или Оленёнок в рысьих лапках

Я шла, подпрыгивая от удовольствия: экзамен сдан! Вертела головой во все стороны: пятиэтажные здания случайными окнами, как будто дарили мне улыбки, а солнце-то, солнце меня тоже поздравляло, тёплыми прикосновениями поглаживая по голове. Шла по бульвару Гагарина, точнее не шла, — парила, придерживая, чтобы вовсе не улететь куда-то в небо, широкий подол голубого платья...

И вдруг споткнулась, опустила глаза и увидела коричневые ботинки, слишком большие и грубые, чтобы быть мужскими.

Поразительно, как быстро возбуждённое воображение способно изображать целые полотна, изобилующие яркими красками и мелкими деталями. В миллионную долю секунды оно нарисовало мне образ владельца этих гигантских ботинок.

На массивном теле, прямо на плечах, кособоко лежит угловато-лобастая, как у быка, голова, из которой торчат лишённые век, кроваво красные от ветров и пыли, глаза. Стекающая по землистой щеке слизь липкой струйкой тянется прямо к кривому рубцу, лишь отдалённо напоминающему рот. И тело, и руки этого чудища соответствуют гигантской обуви — слишком большие, грубые и тяжёлые.

— Беги! — торопливо командовало раздражённое воображение, не глядя в воспаленные глаза: — Беги, Аля! Однако разум в противовес паникующему воображению тихо шепнул: «Посмотри. Возможно, это чудовище в огромных ботинках не так ужасно». Медленно подняла глаза и растерялась... Мне улыбнулся парень. К удивлению, его глаза были не кровавые, а имели приятный серый с голубым оттенком окрас и совсем не топорщились, наоборот, были надёжно защищены от ветров и пыли азиатским веком, глядели с ласковой хитрецей.

Я не сразу поняла, красив ли он. Привыкшая к мужчинам с русской внешностью, не могла уместить в шкалу привычной градации мужской привлекательности.

Он, возможно, и не походил на лесное чудище, но точно и на взращённый на сказках образ молодца с русыми волосами. Жёсткие его волосы блестели чернотой, а длинная изящная фигура одинаково нелепо смотрелась бы, как на печи, так и на Сером Волке. Несмотря на внушительный рост, он совсем не походил на былинных богатырей. Высокий и изящный как фарфоровая статуэтка. Только ботинки тяжёлые, гигантские, точно чужие, принадлежащие не то убитому чудищу лесному, не то богатырю с печи. Всё в нём не соответствовало привычным фантазиям, оттого, быть может, и казалось притягательным до невозможности к сопротивлению.

Почему-то я загадала: «Если ответит не „привет“ или ставшее модным после фильма „Зорро“ „Бонас ночес“, а простым „здравствуй“, значит, завяжутся отношения». Он же ответил целой фразой: «Здравствуй, а что это мы такие весёлые?» и, улыбнувшись, нежно поправил выбившуюся прядь волос, случайно дотронувшись до моей щеки.

Он скорее всего в этот короткий миг даже не успел ощутить жар моей кожи, но я почувствовала всю противоестественную силу его холодных пальцев, они, точно ледяные иглы, молниеносными уколами от щеки пробежались по всему телу, не оставив на нём без мурашек ни точки. А затем нырнули под кожу и уже там, покачиваясь, возвратили к знакомому, но подзабытому чувству. Это было похоже на детские ощущения, когда в первый морозный день идёшь в школу и, вдыхая не просто воздух, а саму сущность мира, его душу, ощущаешь, как всё внутри трепещет и ликует.

Так же и эти иголочки нырнули под кожу, чтобы подарить в один миг и трепет, и ликование, и чувство безграничной свободы. Всего в один миг, который он и не заметил. Оттого, наверное, уже секундой спустя, это чувство, способное жить только в ответ на другое, такое же чувство, обратило иглы, дарящие настолько приятные покалывания и волнение во что-то

иное, дарящее совсем не детские восторги, а в нечто тянущее, ноющее, напоминающее ёж-рыбу, желающую освободиться из неосторожно сжавших её рук. Расширившись, она пронзила всё внутри и, сбежав, оставила в беспомощной истоме обливаться кровью.

И вот с этой жалкой минуты оцепенения, немного трепета я стала делать глупость за глупостью! Сейчас-то я понимаю, что жил из него вытянула немало. А тогда!? На какие ухищрения только не шла! Чего только не придумывала. Как будто я не девушка, а охотник — а этот необычно красивый парень — моя дичь, нежный оленёнок в рысьих лапах. Но тогда я так не думала. Не способна была думать.

Всё было заполнено им. Даже привычные пятиэтажные дома улыбались не просто случайными окнами, а серыми с ласковой хитрецей глазами, и солнце тоже, касаясь лучами, то и дело распирало и снаружи, и изнутри, напоминая о том случайном прикосновении к щеке. Во всём мне виделась его черты, улыбки, движения и эти красивые с голубым оттенком глаза.

Более того, запах одеколона «Шипр», которым он пользовался, раньше отталкивающий, почему-то ассоциирующийся с кладбищем, с затяжными осенними дождями, с прелой листвой, с чем-то тягучим, бесконечно тоскливым, превратился в один из самых приятных ароматов на свете. Стоило уловить плывущие в воздухе ленты «Шипра», как воображение начинало рисовать уже не скорбные картины с печальными листопадами, а просторную степь в безграничии, в которой наперегонки с солнечными зайчиками мчался смелый всадник, а в синем небе парил охотничий сокол. Или всё в той же степи растущий дуб, в тени, под исполинскими ветвями которого опершись о ствол, дремлет он, мой изящный всадник в гигантских ботинках коричневого цвета.

Весь мир, наполненный мечтами о нём, виделся свободным и счастливым, таким, где только лишь удалью и задором, возможно заполучить право быть не похожим ни на кого, при этом оставаться как никто красивым.

Тогда мне казалось, что и я само воплощение женственности, красоты, жизнерадостной молодости! Я считала себя подарком. И не сомневалась, что такой подарок нужен каждому, кто мне приглянулся. Угрозило же ему приглянуться, оказаться на моём пути в момент, когда экзамен сдан и я просто парила от радости, а единственным, что удерживало меня от того, чтобы вовсе не улететь куда-то в небо, был широкий подол голубого платья... Стоило отпустить его, и до свидания, планета Земля и все её земные тревоги. Но тогда ведь и он не узнал бы, каково это быть нежным оленёнком в рысьих лапках.

Зеркало, ах, зеркало... Мой любимый предмет. В сумке у меня постоянно находятся несколько зеркалец: с пудреницей для лица, с тенями для глаз... В нашей общежитской комнате висит большое зеркало, чтоб можно было видеть себя во весь рост, оценить осанку и, естественно, одежду. На вахте в общежитии стоит трюмо аж с тремя зеркалами, чтобы себя увидеть можно было не только спереди, а и сбоку, даже сзади, оценить причёску со всех ракурсов.

Я люблю смотреться в зеркало, потому что мне нравится своё отражение с приветливой улыбкой, искорками, которые вспыхивают в моих бездонных глазах... Вы бы видели, какие у меня роскошные волосы. На нашем курсе ни у кого нет волос такой длины и такой гивышевелюры. Мне достались по наследству русые волосы с небольшой рыжиной. Знаете, как листва клёнов начинает золотиться в бабье лето? Помню, что старшие родственники, то бишь бабушки, тётки, про мои волосы говорили: «Волос длинный — ум короткий». А незнакомые прохожие, когда меня видели с двумя заплетёнными косами, часто говорили: «Какая кукла идёт!» Ну, это относится к тем временам, когда я в начальных классах училась, потому что у меня в концы кос были вплетены два белых банта. Сейчас я с косами не хожу, а закручиваю волосы в спираль и закалываю шпильками. И получается такая внушительная шапка волос на

голове. Шпильки из-за моей торопливости, постоянного бега вприпрыжку теряются часто, я только и успеваю их покупать.

Ну, вот не умею спокойно ходить, так как боюсь опоздать. Куда боюсь опоздать? До всего есть дело! Я хожу в хор, кружок фото посещаю, а в библиотеках я постоянный читатель (записана в четыре библиотеки города). А ещё, если удаётся достать билеты, хожу на спектакли в драмтеатр, театр оперы и балета, цирк, не говоря уж о регулярном посещении кинотеатров. В музеи время от времени навещаю. Вы спросите, когда же я учусь? Получается, что между развлечениями. Учусь блестяще. Авторитет у преподавателей заработала ещё на первом курсе. Я же в школе отличницей была, базу знаний крепкую, основательную получила. Память у меня отменная, фотографическая. Ах, какая же я восхитительная, сама собой не налюбуюсь, настоящий подарок, созданный при рождении!

Ильдар учился в группе автоматического управления, а я — на топографическом отделении. Но это не мешало, как бы старательно он ни путал след, безустанно, не зная покоя, идти за ним. Хотелось наблюдать его постоянно, каждую секунду, знать, где он, с кем, что с ним происходит. Милый мой оленёнок и не догадывался о том, что я всегда была в одном кошащем прыжке от него. Когда я его не видела, то всё равно представляла, что он в это самое мгновение говорит, на кого смотрит, о чём думает.

Я сидела в аудитории, слушала приятный с благородной хрипотцой голос Анатолия Ивановича, очень взрослого и солидного мужчины, преподавателя физики.

Его лекции всегда были для меня окном в какой-то другой мир, где всё разумно, логично, упорядочено. Впрочем, даже этот мир, ранее видевшийся нерушимым, вечным, мир, где всё на своих местах, оказался всего лишь замком из песка на пути бушующего океана.

Первая же волна играючи все крепостные стены, башни с бойницами, ворота и донжоны, возведённые этим приятным голосом с благородной хрипотцой, разрушила, стёрла и, пенясь, унесла в темноту океанских вод.

А на берегу остался лишь идеально ровный, как только что выглаженная скатерть, нежно серого цвета песок, чуточку припудренный алыми румянами вечеряющего неба. И бегущий мне на встречу полуголый исполин. Его кожа, покрытая крупными капельками океанской воды, блестит, как чешуя какого-то мифического создания: полубога-получеловека, рождённого из союза зари и пены морской. И он бежит, совсем не касаясь песка, не оставляя следов, и вот уже стоит во весь свой невероятный рост надо мной...

Я невольно улыбаюсь, представляя эту картину, и уже совсем не слышу голос Анатолия Ивановича, не вижу ни доску, исписанную формулами, ни конторку-кафедру перед ней, даже наши зелёные парты куда-то пропадают, а с ними и весь класс.

Остаётся только мой вышедший из пены морской великорослый полубог. Его губы что-то шепчут, совсем тихо и медленно приближаясь к ушку, угрожают вот-вот обжечь поцелуем. Как бы мне этого хотелось и в то же время, как же я этого боюсь.

Оттого и цепенею, даже в своих фантазиях. Собираюсь с силами, чтобы, если эти рыбы губы всё-таки коснутся хотя бы одного завитка волос у моих ушек, тут же бежать так быстро, как бежит Зайчик-побегайчик.

Мечтая об этом страшно-сладком мгновении, не замечаю, как Анатолий Иванович вышел из-за кафедры и, преодолев все три ступеньки, составляющие подиум, продолжает читать лекцию, опершись рукой о мою парту. Сидящая рядом Таня, наверняка, пытается как-то предупредить о нависшей угрозе, но в тот миг, к несчастью, и её не существует. Есть только я и он. Точнее его губы и моё ушко, а ещё едва уловимый океанский шёпот. Понимая, что самостоятельно из оцепенения не выйду, Анатолий Иванович, легонько касается моего плеча.

Вздрыгнув, я понимаю, что уже, глядя на спокойное лицо физика, продолжаю беспричинно улыбаться, как какая-нибудь дурочка из переулочка, пытаюсь как-то оправдаться, но только сильнее краснею. Щёки так и горят. Но лектор как ни в чём не бывало продолжает доносить материал. Преподаватели меня любят, в особенности Анатолий Иванович, за то, что могу решить любую задачу. От души он посмеялся бы, наверное, узнай, какую задачку я сама себе придумала, на какие ухищрения решаюсь, силясь разгадать её.

Чтоб побольше выяснить об этом высоком Ильдаре, я подружилась с Инной Васильевной, фельдшером общежития, в основном выполняя её мелкие поручения в виде принести-унести-передать... Но изредка приходилось исполнять и более ответственные задания.

К примеру, однажды помогала проверять мужскую часть общежития на возможные очаги педикулёза. Вероятно, это был всего лишь финт, фельдшерская хитрость. Инна Васильевна при помощи незапланированного медосмотра решала какие-то иные задачи. Но сказано — сделано!

Все студенты шеренгой, выстроившись в коридоре третьего этажа, поочерёдно подходили к импровизированному санитарному пункту, состоявшему из парты, за которой с блокнотом в руках сидела Инна Васильевна, перед партой стул, на него поочерёдно садились будущие буровики, автоматики, геодезисты, геологи, а перед стулом я, для большей солидности, накинувшая одолженный у знакомой студентки с технологического отделения белый халат.

В одной руке у меня толстостенная лупа, в другой — походный фонарь. Ох и смеялась же потом Таня, слушая мой рассказ о выявлении очагов педикулёза. Но в тот момент ни мне, ни обитателям мужской части было не до смеха. Мне потому, что было страшно за собственную весьма красивую шевелюру. Им потому, что всех, кто не явится на осмотр, пригрозили выселить. Сколько голов разной мохнатости, размеров, форм, цветов в тот день я пересчитывала, выискивая признаки посторонней жизни, и вообразить трудно. А печальнее всего, что труды оказались напрасны. Заражённых выявить не удалось!

Зато представилась возможность прикоснуться к Ильдару. Даже стоя в очереди, он не превращался в её часть, а как будто только сильнее возвышался. Оказавшись же перед мной на стуле, и вовсе оказался великаном. Второй раз он был так близко и второй же раз я не могла понять, красив ли он. Но почему-то в упор пялилась в макушку, не решаясь заглянуть в лицо.

Светила фонарём, перебирала пальчиками упрямые волосы, в то время как его длинные пальцы подушечками отстукивали какой-то ритм, а мне казалось, что они не ударяют по поверхности парты, а внутри меня, гибкие, как щупальца, перебирают что-то, настойчиво выискивая, неизвестно что выискивая, вошкуются где-то под рёбрами, около печёнки.

От этого зудящего до мурашек чувства хотелось, так же, без разрешения, вцепиться мёртвой хваткой в его блестящие чёрные волосы, начать рвать их с ожесточением бешеной лисицы.

Боже, какие же странные мысли и чувства посещали меня в тот период.

Хотелось ласково, как мать, баюкающая ребёнка, прижимает к груди его уязвимую головку, так же прижать к своей груди лобастую голову сидящего на стульчике автоматика. Но уже через миллисекунду, ощущая яремной впадинкой его дыхание, едва сдерживалась, чтобы не искушать до крови.

— Ну что там, — выудила меня из оцепенения Инна Васильевна, — Чисто?

Мне очень хотелось ещё немного попутешествовать по его голове, но, опасаясь посеять сомнения в фельдшере, ответила: «Чист как солнце, как звёздочка, как пуговка, как золото!»

— О как, — отозвалась фельдшер и, поставив галочку напротив Рафаилова, прервала наше свидание.

Глава 2. Наша комната

Наша с Таней комната была самой маленькой в общежитии геологов. Обычно в ней жили новенькие, которые по окончании первого курса, договорившись с воспитателем, переезжали в более просторные комнаты, где хватало места не только для трёх кроватей, маленького столика и двух стульев, намекающих о том, что для третьего жильца в комнате места нет. Но комната по описи полагалась на троих.

В других жили минимум по четыре, но в нашей комнатухе четвёртой могла быть, если только пережившая голод мышь, другое живое существо просто не поместилось бы. На самом деле и для трёх человек комната тесновата. Но первое время к нам с Таней пытались подселить соседку.

Первой была Аша. Крепко сбитая девочка с круглым испуганным лицом. Воспоминания о ней наполнены слезами. Она всё время плакала, тоскуя о доме, маме с папой, собаке по прозвищу Булка, коте Боре и даже коровах.

Как результат, меньше чем через две недели, уехала обратно к родителям в деревню. К удивлению, мы успели обменяться адресами и ещё много-много лет вели переписку. Я рассказывала ей об успехах в учёбе, о развлечениях, она мне о детях, муже, хозяйстве. Мило было узнать, что одну из бурёнок, как описывала Аша, с очень добрыми глазами, она назвала в мою честь Алечкой. Кто-нибудь на это мог бы обидеться, но успев узнать, какой Аша простой и искренний человек, я только посмеялась.

С Таней, насколько я знаю, она не переписывались. Оно и понятно. Ведь Таня со своей кровати глядела на нас, как, лишившаяся котят кошка, на двух пищущих мышат. Я ведь тоже первое время, тоскуя по дому, плакала, как дурочка. А полётная блондинка Таня время от времени своими руками-крыльями, словно ласковая мама, обнимала то меня, то Ашу. Она практически ничего не говорила, но на душе становилось сильно легче. Если бы не её объятия, то, возможно, и я вслед за Ашой сбежала бы домой.

После к нам подселили Ксюшу. Как сказал воспитатель, чтобы не было скучно. Она с тремя огромными чемоданами, появилась на пороге в середине года. А ещё с ней в нашу комнату втиснулись напольный светильник в виде цветка мака, гардеробная стойка из дерева, напоминающая лестницу, раскладная доска для глажки вещей, обогреватель «Рубин», огромное количество покрывал, пледов, подушечек, рюшечек, накидочек, платочков, в завершении на стене, над кроватью, прилип плакат с изображением Адриано Челентано, на плакате был сам знаменитый итальянец и русская надпись «Поёт Адриано Челентано», о чём и для кого не уточнялось.

Соседки Ксюши из комнаты 101 разъехались. Одну отчислили за прогулы, вторая ушла в декрет и, ожидая рождения ребёнка, уехала к родителям, а третья, не доучившись, ушла работать на завод.

Ксюша казалась мне очень взрослой, совсем женщиной. Мы учились на первом курсе, она на третьем. Себя же я ощущала ребёнком. Сейчас понимаю, им и являлась: жизнь виделась до безумного интересной, а все люди хорошими. Так же и Ксюша мне с первого взгляда понравилась. Уверенная, энергичная, с ярким макияжем и причёской в стиле рок-н-ролл!

А вот Тане, с которой мы подружились в первый же день, а после этого, в течение многих лет, оставались неразлучными, Ксюша совсем не понравилась, она её окрестила «вертихвосткой».

Моя подруга Таня неожиданно открылась не только жуткой собственницей. Ксюше её вещами не только пользоваться нельзя было, но и прикасаться, по возможности не смотреть.

Так ещё и тираном. Она в первый же день установила график дежурств. Полы надлежало мыть поочерёдно раз в два дня (до этого хватало раза в неделю, а то и реже), а подметать ежедневно.

Посуды грязной в комнате: ни ложки, ни чашки, ни кружки и вовсе — никогда быть не должно. Проветриваться комната должна обязательно с утра и перед сном (если кто-то ещё или уже в постели, то придётся потерпеть открытые настежь окна и двери), раз в две недели надлежало выносить на улицу для профилактической чистки пледы, накидки, коврики, подушечки и всё, что могло накапливать пыль.

Помимо этого график вмещал и пункты принятия гостей. Подруги живших в сотой комнате студенток могли навещать не более четырех дней в неделю и оставаться не дольше, чем до восьми вечера, а друзья — три дня и до пяти вечера.

Ксюша пробовала поначалу посмеиваться, отшучиваться, затем игнорировать, наконец скандалить. Но Таня, которую, как и себя, я считала ребёнком, твёрдо, не повышая голоса, но не позволяя перебивать, выговаривала, что будет так и никак иначе. Она мне напоминала уже совсем не ту ласковую маму, которая утешала нас с Ашой в первые дни студенчества, а строгую мачеху из сказок, ту, которая отправляла несчастную падчерицу за подснежниками в заснеженный лес.

До чего же она была холодна, безжалостно безэмоциональная. Даже её задиристый по-мальчишески голос в спорах с Ксюшей терял свой звон, тускнел, давил, как кольца питона.

Мне было жаль Ксюшу, но спорить с подругой не только не хотелось, но было страшно. Особенно, когда доведённая до белого каления Ксюша от скандалов перешла к последнему оружию, — угрозам. Она заявила, что раз Таня не понимает слов, то получит по шее. В это легко верилось. Ксюша была раза в два больше худенькой Тани.

Однако Таня своим ломающимся мальчишеским голоском спокойно ответила, что всё детство кусалась с двоюродным братом, оттого научилась драться по-мужски кулаками. Поэтому, если график дежурств будет и дальше срываться, то ещё неизвестно, кто кому набьёт морду.

Не знаю, на самом ли деле Таня дралась с братом, или это было хитростью. Уточнять мне было неловко.

Отчаявшись, Ксюша призвала на помощь воспитателя Юрия Ивановича, но он, явившись в комнату и увидев на стене каллиграфическим почерком дотошно расписанный график дежурств и посещений, пришёл почти в детский восторг и проговорил, что хорошо бы подобное повесить в каждую комнату!

Ксюше пришлось смириться. Однако сразу, как в одной из комнат освободилось место, она вместе с тремя чемоданами, напольным светильником, гардеробной стойкой, гладильной доской, обогревателем «Рубин», покрывалами, пледами, подушечками и плакатом с Челентано, пока мы были на занятиях, сбежала.

На прощание поверх каллиграфического почерка в составленном расписании, написав жирным карандашом для бровей: «Пошла в жопу, Таня», рядышком пририсовала три сердечка.

Зная о том, какие нравы царят в комнате сто, другие студентки наотрез отказывались заселяться к двум помешанным на мытье полов.

Так и жили мы до конца курса, а на следующий год радостный воспитатель сообщил, что всё-таки подселит к нам какую-нибудь не слышавшую ничего о Ксюшиных злоключениях первокурсницу.

Тогда-то у нас и появился шкаф, удобно перекрывающий мою кровать от посторонних взглядов. Мы его вдвоём перетасили с четвёртого этажа, где он, в самом конце длинного коридора, кем-то брошенный, пылился уже как минимум год.

Спускаясь по лестнице, мы несколько раз едва не разбились вместе с этим тяжеленным шкафом, но дотащили, а затем и поставили на место заранее выброшенной кровати. Воспитатель Юрий Иванович, бросив прямой вызов Тане, совершил ошибку.

Придя к нам с будущей соседкой и не обнаружив третьей кровати, он было хотел что-то сказать, видимо, по-русски и от души, даже руками развёл, но, увидев в беленьком с болезненными кругами под глазами лице Тани монашеское стойкое спокойствие, принял поражение и со словами: «Пойдём, заселю тебя в пятисотую. Одна пока проживёшь. Зато ко мне близко. Никто не обидит», — ушёл, на прощание погрозив, почему-то мне, пальцем.

Так Таня отвоевала для нас право жить вдвоём, ни с кем не деля нашу маленькую комнату.

Меня часто одноклассницы-одногоруппницы называют белой вороной. Я люблю уединение. Также люблю писать, веду дневник, пытаюсь фиксировать уходящие моменты своей жизни. А ещё я девушка с особенкой: с ног до головы или с головы до ног я напичкана чужими стихами, стоит мне прочитать понравившееся стихотворение любого автора, и вот оно уже прочно уместилось в моей голове! Поэтому неудивительно, что я сочиняю стихи, наверно, это громко сказано, что сочиняю, пытаюсь выразить свои уникальные мысли с помощью рифмы. Стихи получаются очень короткими. Первые строки интересными выходят, а вот дальше... И ритм пропадает, и рифма. Почему так? Не хватает упорства, трудолюбия? А может, талантом Бог обидел? Э нет, с этим я не соглашусь, я талантливая, а в душе ощущаю себя гениальной. Вот такова я Алевтинка-картинка.

Под вечер однажды сочинилось: «Июньский тёплый вечер/ К нам на землю снизошёл./ Солнце раскалённое закатилось и ушло». Хорошо? Мне нравится. А вот дальше не получается. Полистала свою записную книжку, ещё выудила такие строчки:

«Когда на это место возвращаюсь,/ Я вижу по обочинам дорог:/ Осины,
пихты, ели, сосны,/ А миг желанный недалёк./ Я встречу милую подругу./
Поговорим с ней обо всём/ И посмеёмся с ней немного — / Приятно время
проведём!»

Эти строки напомнили мне, как на лето к бабушке с бабушкой приезжала моя подруга из Сибири, общению с которой я очень радовалась.

Рос на моём подоконнике кактус, долго рос, наконец расцвёл, я восхитилась. И решила увековечить в записной книжке этот момент цветения колючего представителя пустыни:

«Два раскрывшихся цветка,/ А третий ещё бутон, /Два ярко-красных
цветка — / Это кактус расцвёл. / Несколько дней пролетело:/ И два красных
цветка завяли,/ Третий зато распустился,/ И его красота засияла!»

Чудесно? Я так и представляю за этими строками колючее растение с мясистым стволом и огненными цветами. А читатель представит? Хотя эти стихи я никому не показывала, поэтому реакцию не представляю. Мне и самой с собой хорошо, сама себя развлекаю. Например, такими строками: «Был май./ На улицах черёмуха цвела. / А мы ходили в школу./ И мне была любовь дана». Прелестно? Для меня за этими строками стоит многое, а вот похоже для читателя — нет. Есть такие читатели, которые никогда не видели цветущую черёмуху? Есть, как не быть: в Африке, Австралии. Слово «школа» даёт понять, что автор — ученица. Да, трудная задача: как так написать, чтоб за словами образ стоял, не просто образ, а зримый, осязаемый. Интересно, в этом стихотворении образ наличествует: «Одна девчонка-однокласс-

ница/ По улицам пыльным гуляет./ Ей грустно отчего-то,/ А сирень уже отцветает»? Читателю, наверно, представится слоняющаяся фигура по посёлку от нечего делать.

Полистала-полистала свои записи, наткнулась на заголовок «Смелость»;

Твой взгляд говорил о нежности,
Мой взгляд говорил о тебе.
Мне не хватало смелости,
Хватало тебе вполне.
Я была гордячкою,
Ты был гордым вдвойне,
Мне не хватало смелости,
Хватало тебе вполне.
Ты был красивым парнем,
Была симпатичной я.
Мне не хватало смелости,
Была она у тебя

Помню, когда писала эту «Смелость», такое упоение испытывала, а сейчас чтение этой «Смелости» улыбку только вызывает. И почему так по прошествии времени происходит? А ещё там продолжение есть:

Однажды видела вечером,
Видела я тебя,
Ты был смелым парнем,
Несмелой была я.
Ты под руку шёл с девчонкой,
Рассказывал ей, смеясь...
Ты был смелым парнем,
Несмелой была я.
Вы поравнялись со мною,
Покраснев, ты взглянул на меня.
И я, улыбнувшись, подумала:
«Всё-таки смелая я!»

И о чём эта «Смелость»? Так зарисовка какая-то получилась с неясными, смутными ощущениями, с тривиальным повтором слов, единственное дельное проглядывает, что лирическая героиня равнодушна к этому субъекту — красивому парню.

В моей записной книжке насчитала сорок стихотворений. Для сборника стихов достаточно? Оказывается, нет. Надо, чтоб больше сотни было. Почему я так решила? Взяла самый тоненький сборник стихов Михаила Найдича и сосчитала. Немного расстроилась: публикация не вырисовывается, отодвигается на неопределённое время. А стихи-то по заказу не сочиняются, я пишу тогда, когда вдохновение находит. Я не права? Ну, вот такая я: всё делаю спонтанно, вдохновения жду!

Глава 3. Первый раз в Перми (два года назад)

Ах, мой милый дневничок-сундучок, я его представляю таким крепко сбитым из деревянных планок, окованным железными пластинками. Откроешь крышку-обложку, и оттуда посыплются воспоминания, например, под названием «Пять дней в Перми».

Сегодня я и мама едем в Пермь. В этот город еду впервые. Радостно и в то же время тревожно: я еду сдавать экзамены. Хорошо, что мама со мной поехала, с ней спокойнее, не так страшно. Для учёбы я выбрала геологоразведочный техникум, хочется быть геологом. Хотя мама не одобряет мой выбор, она считает, что я должна учиться на библиотекаря — вот это якобы по мне. В поезде мы, кроме чаепития, разгадывали кроссворды. Когда мама беседовала с другими пассажирами, я читала. У меня была с собой книжка стихов Михаила Найдича. Пока ехали, я почти все стихи запомнила наизусть.

В Пермь мы прибыли в первом часу ночи. Ночной вокзал удивил количеством пассажиров и ослепил огнями. А ещё очень хотелось спать, глаза невольно сами закрывались. Я же росла послушной девочкой, соблюдающей режим дня, поэтому всегда находилась по вечерам в кровати и засыпала в десять вечера. Благо идти было до ночлега недалеко, а то не знаю, как бы я добрела. Ночевали мы в комнате матери и ребёнка, на втором этаже вокзала. Я спала как убитая, видимо, дорога сказалась, на такое большое расстояние я до этого не ездила.

А утром сели на трамвай и приехали в техникум. Это оказалось трёхэтажное здание на улице Ленина. А потом на другом трамвае, взяв направление из техникума, поехали в общежитие. Вот это здание было высотой в пять этажей, находилось на бульваре Гагарина.

Какие я испытывала ощущения? В первый же день меня оглушили трамваи. И я даже сказала маме предложение, которое запомнила из одного упражнения по учебнику русского языка: «Трамваи, звеня, подлетали к площади». В этот же день мы чуть не попали под машину. Встали на середину дороги и смотрим по сторонам... Что выглядывали, что разглядывали?

Оказывается, моя мамочка мысленно перенеслась в 1949 год, когда она впервые попала в этот город — город её юности и учёбы в институте. Как давно это было, страшно представить, всего четыре года после войны прошло.

— Мама, тут тоже война чувствовалась?

— Да нет, об этом я как-то не думала, в нашем городке тоже военных действий не было, а тут тем более, мы же здесь восточнее находимся. Единственное, много молодых людей ходило в военной форме. А сейчас этого нет. Вон как люди хорошо одеты в светлые одежды. И город весь в цветах утопает. Тогда, конечно, он был серенький, неухоженный. Но всё равно для меня милый — город моей юности. Вот и для тебя, доча, этот город, наверно, тоже останется в памяти надолго.

Правда, жила я на квартире, то есть во флигеле. А ты будешь жить в общежитии, в светлой комнате с большим окном, с отоплением, печку топить не надо. Помню, мой папа приезжал меня проведать с гостинцами, так вот ему квартира не понравилась, он сказал, что на курятник похоже, в котором у него куры с петухом гнездятся. Поэтому он мне другую квартиру подыскал, хотя и подороже. Конечно, трудно было: денег не хватало, продуктов тоже. Но отец регулярно навещался, благо у него по железной дороге билет бесплатный был. Ещё его сестра приезжала, она тоже на железной дороге работала, а я ж её любимая племянница была, так вот она тоже мне помогала. Вот так я и выучилась. Да, ещё брат, твой дядя, тут работал начальником стройки, вот он тоже мне денег подбрасывал.

Ту мама свою речь закончила, а я опять стала всё разглядывать, чтоб потом записать в свой дневник, который я веду со школьной скамьи.

Ещё вспоминается, как сияло солнце, от этого город казался очень светлым и красивым, отражаясь в огромных окнах зданий. Меня удивляло всё. Как говорится, ходила разинув рот,

оглохнув от шума города, расширив и без того свои круглые глаза. Меня впечатляло многообразие различных магазинов, музеев, многоэтажных зданий, асфальт от жаркого солнца на улицах плавился, цветники радовали взор, деревья аккуратно подстрижены, толпы людей снуют во все стороны — от этого глаза разбегаются.

Во второй день я уже привыкла к грохоту трамваев, но ездить в них мне не хотелось, и поэтому мы с мамой ходили пешком.

В этот же день у меня и других абитуриентов была консультация по математике. Познакомились с преподавательницей Ниной Ивановной, миловидной женщиной лет сорока с замысловатой причёской из кудрявых волос. Костюм голубой красиво облегал её фигуру. Мне она понравилась с первого взгляда, а вот я, видимо, ей не особо приглянулась. Решали в основном примеры. Я решила всё, что задали, а вот другие абитуриенты, в основном юноши, плохо решали, запутывались в обыкновенных дробях, особенно при умножении, не говоря уж о делении. Смешанные дроби им тоже ужас внушали. А при умножении десятичных дробей переносили запятую не туда. И чему их учили? Или они так плохо учились? Или учителя плохо объясняли?

После математической консультации сходили в областной краеведческий музей — здание бывшего архиерейского дома, что на Комсомольском проспекте, был основан 15 ноября 1890 года, инициатива исходила от Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания. В семнадцатом веке территория, на которой сейчас расположена Пермь, принадлежала Строгановым. Первые документальные упоминания о поселениях на территории исторического центра Перми встречаются в переписных книгах воеводы Елизарова. Год 1647. Я пыталась устно сосчитать, сколько лет этому старинному городу. Запуталась, приду в общежитие — сосчитаю. А потом мама спросила экскурсовода, в какие годы Пермь называлась по-другому. Экскурсовод ответила, что с 1940 года по 1957 год, в то время название было Молотов, соответственно, и область называлась Молотовская. Так вот мама, оказывается, училась не в Перми, а в Молотове! Вот это мне удивительным показалось.

Данный музей является самым большим «хранителем старины» Пермского края: меня заинтересовали старинные карты Пермской губернии, редкие книги семнадцатого века тоже впечатлили, глаза разбежались при виде такого количества минералов и полезных ископаемых Урала, конечно, всё нам не удалось посмотреть. Ещё нам предлагали увидеть коллекцию древкового оружия, коллекцию по истории этнографии, этот край издавна населяли другие национальности, а русские, как оказалось, пришли позднее, то есть, в моём понимании, это пришельцы.

Потом двинулись в картинную галерею. Она находилась в здании кафедрального собора, там мы увидели выставку деревянных скульптур, орнаментального шитья. В общем, моя мама любит такое времяпрепровождение, да и я довольна узнавать что-то новое.

На третий день была консультация по русскому языку. Тут я тоже блеснула. Преподаватель Галина Сергеевна меня отметила как одну из лучших. Хотя она и была полноватой, но это её совсем не портило, а придавало облику мягкость, округлость. Также мне понравилась правильная речь у этой преподавательницы. Дальнейшая учёба показала, что она моими сочинениями козыряла на других отделениях, то есть она ставила мои письменные работы в пример, почему-то удивляясь тому, как я умею хорошо писать сочинения.

Завтракать, обедать и ужинать мы ходили в столовую. Кормили вкусно, я съедала всё, так как это не дома, где только протяни руку — и отыщешь что-нибудь вкусное. В свободное время я решала задачи, примеры и повторяла правила по русскому языку. Мне надо сдать всего два экзамена по математике и русскому языку не ниже четвёрки. Аттестат за восемь классов у меня очень хороший, средний балл 4,7.

Ещё в этот день посетили зоопарк. В зоопарке я впервые увидела слона так близко, таким неправдоподобно гигантским он показался, посмеялись над ужимками мартишек, а вот мед-

ведь из-за специфического запаха меня отпугнул. Зато павлин поразил своим роскошным хвостом. И лису, и волка, и зайца видели. Зверей было много, только не все из клетки показывались. Некоторые в это время откровенно дрыхли. Люди деньги платят за посещение зоопарка, а им хоть бы хны!

Завтра после экзамена в цирк сходим.

Цирк поразил тем, что арена в середине, а зрители оказались сидящими вокруг арены. У нас в городке цирка нет, хотя на цирковые представления я раньше ходила. Но это было в клубе. И, конечно, ощущение оказалось другим. Здесь как будто ты участник такого зажигательного действия! После циркового представления у меня как-то сами собой получились такие строки:

Есть много радостей на свете:
А цирк — одна их них!
Сегодня радуются дети,
Что видят клоунов смешных!
Что в зале хохот, смех раздастся
И не умолкнет в этот день,
А может приз как раз удастся
Мне заработать в этот день?

Хорошо? В целом — да, но вот рифмовка: день — день, конечно, подкачала. И приз, к сожалению не выиграла, правда, удовольствие от циркового представления получила.

Итак, настал искомый день — день экзамена. Я смогла решить всё, ответила на все дополнительные вопросы. Но Нина Ивановна почему-то мне поставила четыре. Я сначала расстроилась. А потом думаю: всё равно по баллам буду зачислена. Когда ехали назад, мама в поезде мне объяснила, что я не мальчик, а девочка. Вот мальчика комиссия вытянула бы на пять. И чего меня вытягивать? Если я всё правильно решила. Наверно, дело в том, что я девочка, а геологами должны быть мальчики.

А мамочка моя за моей спиной учудила, то есть смогла уговорить приёмную комиссию, чтоб я в один день сдала два экзамена. Хорошо, что я заранее не знала! А то бы переволновалась. Экзамен по русскому языку был в виде диктанта. Написала я хорошо, сделав одну ошибку на правописание «не» с прилагательными. Поэтому получила тоже «четыре». А потом меня комиссия давай уговаривать, чтобы я перенесла документы на топографическое отделение. На этом отделении изучается высшая математика, поэтому считают, что я смогу успешно выучиться. Пришлось подчиниться. Надеюсь, что хуже не будет. Дальнейшая учёба показала, что я справилась.

Ещё мы с мамой сходили в книжный магазин, где мне приобрели два поэтических сборника Константина Батюшкова и Евгения Баратынского. Я предвкушала, как буду в поезде читать их стихотворения и заучивать. Кроме того, мне купили платье и сарафан для дальнейшей учёбы, джемпер нежно-розового цвета, спортивный костюм тёмно-зелёный для уроков физкультуры. Я ещё хотела купить тетради, но мама не разрешила сейчас, сказала, что даст мне денег, чтоб я позже приобрела.

Глава 4. Студенческие развлечения

Итак, вернёмся к нашим баранам, то есть к моему дневнику. Что оттуда можно выудить? Временами мне кажется, что мой дневник похож на сундучок, такой крепко сбитый из деревянных планок, окованный железными пластинками. Откроешь крышку-обложку, и оттуда посыплются страсти. Захлопнешь — и улетучились страстные порывы души непосредственного создания.

С самого утра решили с Таней идти в кино... Сказано — сделано! Купили четыре билета. Думали, кого же пригласить на оставшиеся два билета. Я решила: Сергея (буровика) и Ильдара. Таня считала, что надо Райку и Сергея (буровика). А я про себя думаю, на черта мне эта Райка, я с Ильдаром хочу идти в кино. Почему Сергея? Он очень нравится Тане, поэтому здесь я с подругой была солидарна. Но наши планы, вернее, мои, дали трещинку. Днём в нашу комнату пришёл Володя — старший двоюродный Танин брат, он принёс магнитофон и трафареты. И Таня почему-то решила пригласить в кино его. Я не верила своим ушам! Брат без уговоров согласился, сестра же приглашает.

С трёх часов дня до восьми вечера были занятия в техникуме.

А потом на свой страх и риск я решила действовать: хотелось подруге Тане устроить сюрприз. С моей точки зрения, хороший сюрприз: я решила попытать счастья, чтоб на оставшийся билет пригласить Сергея. Но была одна загвоздка, как в таком количестве комнат найти искомый субъект? Решила спросить у воспитателя-преподавателя Юрия Ивановича. Третьим уроком у нас как раз было обществоведение. После уроков предупреждённый мною Юрий Иванович остался на пять минут. У нас состоялся разговор примерно такого содержания:

— Юрий Иванович, у вас хорошая память на цифры?

Юрий Иванович помялся и выдал:

— Не знаю.

Я пошла ва-банк:

— Вы хорошо помните, кто в каких комнатах живёт?

— Вам нужны фамилии?

— Да.

— А кто вас интересует?

— Буровики четвёртого курса.

И вот тут-то Юрий Иванович достал из своего портфеля записную книжку, вырвал страницу и написал следующие номера комнат: 34, 69, 57, 58.

— Вас кто-то лично интересует? — спросил он, подняв голову. На мгновение я растерялась, но быстро справилась с собой, симпровизировав на ходу:

— Да. Из оперативного отряда Зарипов.

Юрий Иванович подумал и ответил, что он точно не знает, какая комната: 57 или 58. На прощание я поблагодарила его и вышла, а сама готова была его расцеловать, но я тут же полетела со всех ног выполнять задуманное.

Надо было успокоиться, подумать, всё взвесить, а я действовала по пословице: дурная голова ногам покоя не даёт. Да, Зарипов оказался на четвёртом этаже, а вот с чего я решила, что Сергей вместе в одной комнате живёт с Зариповым? Одному Богу известно! Мои ноги оббегали весь четвёртый этаж, руки обстучали все комнаты, но Сергея нигде не было. Спустилась на третий этаж. В списке, который дал Юрий Иванович, маячила неисследованная цифра «34». Решила начать с неё. Храбро стучусь в 34-ую комнату. Глуховатый, красивого тембра, голос отвечает:

— Да!

Я открываю дверь: в комнате двое юношей. Тот, который мне нужен, сидит за столом и что-то пишет. Я здороваюсь с ними и говорю, уже обращаясь к Сергею:

— Серёжа, мне с тобой необходимо поговорить.

Он выходит в коридор и закрывает за собой дверь. Неважно, о чём мы говорили, важен результат. Я убалтывала-умасливала, но он не поддался моим чарам: результат оказался плачевным. Мне уж очень не хотелось уступать ему: столько телодвижений — и всё напрасно? Но я понимала, что последнее слово останется за ним... Расстались по-дружески, он даже к руке моей приложился.

Вернулась удручённая в комнату, всучила Тане два билета и попросила сходить на пятый этаж к Ильдару. Таня порученное выполнила, в назначенное время Ильдар с билетами зашёл за мной.

Фильм назывался «Сказ про то, как царь Пётр арапа женил». Уселись мы с Таней в середине, а юноши — по бокам. Если честно я не столько смотрела фильм, сколько проверяя свои ощущения от близости Ильдара. Время от времени я скашивала глаза на своего кавалера, любуясь его профилем.

Студенческая жизнь как зебра полосатая: то радость, то неприятность. Смотрела вчера в деканате журнал группы Ильдара. В первом семестре учился неровно, с большими скачками: то четыре, то два, или тройки чередовались с пятёрками, а во втором семестре стал учиться только на четыре и пять. Да и экзамены сейчас сдаёт успешно: на «хорошо». Из журнала я выудила его фамилию, число и год рождения, место постоянной прописки, место временной прописки. Как это мне удалось? Таня, с которой я дружу, староста группы, ей надо было выписать пропуски студентов нашей группы и тех, кто хорошо учится, идущих на стипендию. В общем, ей надо было составить список, а я увязалась с ней, чтобы составить компанию, она не была против, наоборот, обрадовалась.

Я ей диктовала пропуски учащихся группы, а сама другим глазом — листала журнал группы А-1, в которой учится Ильдар. Мы с Таней учимся в группе Т-10. Конспирация удалась, потому что однокурсница Таня вопросов не задавала. Таня — блондинка с голубыми глазами с очень красивой прямой осанкой среднего роста, крепко-сбитая. Многие её спрашивают, не балетом ли в детстве занималась? А оказывается: это ей по наследству такая фигура досталась. Я ей рассказала, что вчера встретила Сергея в компании с Яковлевым — борцом-тяжеловесом. Таня заулыбалась и пошутила, что Сергей охранника нанял. Вот гляжу на Таньку и не понимаю, что О такая хорошенькая девушка нашла в этом Сергее: худощавый, небольшого роста, шевелюра тёмно-каштановая с рыжим оттенком на концах волос и с веснушками на лице. С одной стороны, согласна, что парень может быть чуть красивее обезьяны. Но не до такой же степени! А она прямо-таки вся умиляется, когда видит его, а он — зараза — ноль внимания!

В этот же вечер я решила попасть в комнату к Сергею, он опять что-то писал.

Я ему говорю, что мне надо где-то отсидеться, хотя бы с полчаса, пока девчонки не придут из оперы, а ключа от комнаты у меня нет, а они, такие эгоистки, забыли повесить на вахту. Прикинулась бедной овечкой. Он мою тираду молча «проглотил» и спросил, чем может быть полезен. Я ему: «Серёжа, альбом у тебя есть? Я пока посмотрю фотки — сама себя развлеку, а ты пиши, не думай обо мне». Сергей молча вытащил альбом. Я начала разглядывать: в подростковом возрасте и юности он был ещё страшнее, хотя уж дальше некуда: крупные веснушки портили его лицо, да и длинные волосы до плеч не добавляли шарма. Сейчас, с короткой стрижкой-причёской, он стал интереснее. Да и фигура стала солиднее. Весь альбом пролистала несколько раз и увидела две одинаковые фотографии. Подумала, что надо сделать Тане приятное, поэтому выпросила у него фото. Он с изумлением взглянул на меня и только спросил:

«Надписать?». Я растерялась, а потом говорю: «Серёжа, только число сегодняшнее поставь». Потом ещё несколько времени посидела, взглянула на наручные часы, со вздохом поднялась, улыбнулась и проворковала: «Спасибо, Серёжа, славно время провела». Он меня проводил до двери, приложился к моей руке, закрыл дверь на ключ. Я же со всех ног, перепрыгивая через ступеньку, понеслась в свою комнату, спрятав вожделенную фотографию в карман халата. С третьего этажа мужской половины пронеслась на первый этаж мимо вахты, а оттуда — на свой пятый — вот такой марш-бросок!

И надо же нос к носу столкнулась с Ильдаром. Похоже, у него любимая фраза, которой он меня постоянно подначивает: «И куда это мы, такие весёлые, спешим?». Вот и сейчас. Я ответила, что спешу в свою родную комнату, а вот что он, тут на нашем этаже, делает? Он не растерялся и показал карандаш с ластиком. Я милостиво кивнула: понятно, что чертёж надо делать. Мне было не до него, это из-за фотографии в кармане, надо было от неё избавиться, а то подумает невесть что, а потом объясняйся. И не объяснить, и не понять, и не принять: абсурдная ситуация! Я оглядела его с ног до головы: хорош, нечего сказать, ничего не прибавить и не убавить: данный Ильдар Рафаилов несказанно хорош, не то что этот Сергей Агашкин, чьё фото в данный момент могло скомпрометировать меня.

Глава 5. В тёмной комнате фотолаборатории

Прознав, что автоматик Ильдар посещает фотокружок, естественно, желая совершенствоваться в искусстве фотографии, я тоже записалась. Первый фотокружок с моим участием состоялся второго марта. Кружковцев было мало. Да и те, которые пришли, от скуки разбредались по своим делам. Зато я очень вдохновилась фотографией, целых четыре часа провела в полутёмной лаборатории вместе с Ильдаром, стараясь вперёд на несколько недель надышаться его запахом, смешанным с «Шипром», но он то и дело терялся в режущих запахах реагентов, от которых понемногу нюх совсем пропал. Обидно было находиться так близко и не иметь возможности обонять, но жажда урвать хоть кусочек от нашего уединения оказалась сильной, поэтому я то и дело, случайно касаясь Ильдара, затаив дыхание, ожидала ответных прикосновений, к несчастью, он кропотливо работал, не замечая моих коготочков.

Зря руководитель кружка Анатолий Иванович временами без стука открывал дверь и, заглядывая, спрашивал, не нужна ли помощь. Он, видимо, думал, что мы в темноте фотолаборатории, как две только что проявленные фотографии слиплись, но нет, дальше разговоров дело не двигалось. Хотя я и разговорам была рада. Мне кажется: могла бы всю жизнь слушать, среди темноты, звучание его голоса. Временами что-нибудь спрашивать и вновь слушать, слушать, слушать.

О чём мы с автоматиком говорили? Понемногу о многом. Он рассказал, что поступал после школы в военное училище на Дальнем Востоке, но не прошёл по состоянию здоровья. Я не могла поверить, что этот гренадёр оказался недостаточно здоров. Куда здоровее? Думала, наверное, плоскостопие, или близорукость, малокровие какое-нибудь может быть.

Потом говорили об учёбе. Ильдар ответил на мою восторженность, что он самый заурядный студент, а не какой-нибудь вундеркинд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.